

Александр Восьмой

**УЖАСЫ Проклятие
сектора Омега
(Даффи Толстяк)**

18+

УЖАСЫ ОПТИМА 3

Александр Восьмой

**УЖАСЫ Проклятие сектора
Омега (Даффи Толстяк)**

«Автор»

2026

Восьмой А.

УЖАСЫ Проклятие сектора Омега (Даффи Толстяк) /
А. Восьмой — «Автор», 2026 — (УЖАСЫ ОПТИМА 3)

Элитное спецподразделение получает задание зачистить исследовательскую станцию в секторе Омега, откуда пришёл сигнал бедствия — единственный искажённый крик. Прибыв на место, бойцы обнаруживают, что весь экипаж исчез, а по коридорам разносится тот самый крик, который теперь звучит со всех сторон. С каждым часом реальность на станции всё сильнее искажается: гравитация меняется, стены шепчут, а тени обретают форму. Командир отряда начинает подозревать, что они не одни — и что это место давно служит вратами для чего-то, что питается страхом. Динамичные перестрелки, паранойя и нарастающий ужас делают книгу идеальным сплавом боевика и хоррора.

Александр Восьмой

УЖАСЫ Проклятие сектора Омега (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Сигнал из бездны»

Брифинг-зал на борту ударного крейсера «Полярник» пахнул озоном и холодной сталью. На голографической проекции сектора Омега пульсировала единственная красная точка — станция «Омега-7». Вокруг неё пространство будто сжималось, как морщится кожа от ледяного прикосновения.

Майор Волков стоял у края стола, не сводя глаз с точки. Его пальцы чуть сжимали край столешницы — старая привычка, выработанная годами: держать что-то твёрдое, когда мир вокруг начинал казаться зыбким.

— Повторить сигнал, — коротко бросил он, не оборачиваясь.

Техник нервно дёрнул плечом, будто звук мог ударить его самого.

— Уже третий раз, товарищ майор. Дальше — только белый шум.

На экране вспыхнула аудиограмма: резкий, короткий всплеск, похожий на крик, искажённый так, будто его пропустили через сломанный фильтр, а затем — тишина. Не просто отсутствие звука, а какая-то *выжженная* тишина, будто пространство само проглотило все остальные частоты.

Волков наклонился ближе. Ему казалось, что в этом крике есть что-то личное, будто кто-то звал именно его. Это было нелепо, но он не мог отделаться от ощущения.

— Один сигнал. Ни запроса, ни позывных, ни координат. Только это, — произнёс он тихо, скорее для себя, чем для остальных.

Капитан разведки, сухошавый мужчина с лицом, будто высеченным из гранита, шагнул вперёд:

— По данным телеметрии, на станции отключены все внешние системы. Ни связи, ни навигации, ни даже аварийного маяка. Как будто её выключили изнутри. Или она сама себя погасила.

В зале повисла пауза. Даже голограмма, казалось, замерла, словно прислушиваясь.

— Экипаж? — спросил Волков.

— Двести двенадцать человек. Никаких сообщений об эвакуации. Ни одной спасательной капсулы не покинуло станцию за последние сорок восемь часов.

Лина, медик отряда, тихо кашлянула, привлекая внимание.

— А что с научными данными? Они ведь изучали аномалии. Может, это побочный эффект эксперимента?

Разведчик покачал головой:

— Все файлы по проекту «Врата» засекречены. Даже у нас нет доступа. Известно только, что они работали с пространственно-временными искажениями. Что-то про «окно» между реальностями.

Слово «окно» прозвучало особенно неуютно в этом стерильном зале. Волков почувствовал, как по спине пробежал холодок, будто кто-то провёл по ней ледяным пальцем.

— Значит, мы идём вслепую, — попытожил он, выпрямляясь. — Но идём.

Приказ был отдан. Отряд «Орион» начал подготовку.

Через час крейсер вошёл в прыжок.

Переход через гиперпространство всегда напоминал Волкову падение в чёрную воду: мгновение невесомости, затем резкий толчок, и мир снова обретал форму — но уже чуть другой. Когда «Полярник» вынырнул в секторе Омега, перед ними предстала станция «Омега-7» — тёмная, неподвижная, похожая на мёртвую рыбу, застывшую в ледяной воде космоса.

Волков стоял на мостике, глядя на экран. Станция медленно вращалась, отбрасывая на корпус крейсера тусклые блики аварийного освещения. Казалось, она наблюдала за ними.

— Готовность к высадке, — скомандовал он.

Бойцы заняли места в десантной капсуле. Волков проверил снаряжение: бронежилет, пистолет, автомат, запас магазинов. Всё на месте. Но чувство тревоги не уходило. Оно росло, как давление перед штормом.

Капсула отделилась от крейсера и устремилась к станции.

В иллюминаторе медленно приближался шлюз — тёмный зев, похожий на распахнутый рот. Волков сжал кулаки. Ему казалось, что станция *ждёт*.

Когда капсула пристыковалась, тишина стала почти осязаемой. Даже гул двигателей стих, будто космос поглотил все звуки.

— Шлюз открыт, — доложил техник.

Волков кивнул. Он первым шагнул в переходной отсек. Воздух здесь был холодным и пах озонем, как после грозы. На стенах мерцали аварийные лампы, отбрасывая дрожащие тени.

И вдруг — звук. Тихий, едва уловимый, но такой знакомый. Тот самый крик. Он прозвучал не снаружи, а будто внутри головы, как эхо, застрявшее в черепе.

Волков замер. Остальные бойцы замерли следом.

— Вы слышали? — прошептал Гром, снайпер отряда.

Волков медленно кивнул. Да, он слышал. И ему казалось, что этот крик теперь будет преследовать его всегда.

Они двинулись дальше.

Коридоры станции были пусты. Но не просто пусты — они были *выпотрошены*. Как будто жизнь ушла отсюда не в спешке, а была аккуратно извлечена, оставив после себя только оболочку. На полу валялись разбросанные бумаги, кружки с остывшим кофе, личные вещи — всё на своих местах, но без хозяев.

В одном из отсеков Волков заметил на стене выцарапанные символы — странные, угловатые, будто написанные в панике. Он провёл пальцем по одной из линий. Металл был холодным, но ему показалось, что он чувствует вибрацию, будто стена *дышала*.

— Здесь что-то не так, — тихо сказала Лина, оглядываясь по сторонам. — Как будто само пространство... сопротивляется.

Волков не ответил. Он и сам это чувствовал. Будто воздух стал гуще, а тени в углах — глубже, чем положено.

Внезапно в дальнем конце коридора мелькнула тень. Короткая, резкая, как вспышка.

— Кто там? — рявкнул Волков, поднимая оружие.

Тишина.

Потом — снова крик. Теперь он звучал со всех сторон, будто стены отражали его, умножая и искажая.

— Огонь! — крикнул Волков.

Автоматы загрохотали, разрывая тишину. Пули впились в переборки, высекая искры. Но когда дым рассеялся, в коридоре никого не было. Только тени дрожали, будто смеялись над ними.

Волков опустил оружие. Его руки слегка дрожали — не от страха, а от напряжения. Он знал: они здесь не одни. И что бы ни случилось дальше, обратного пути уже не будет.

Он посмотрел на своих бойцов. В их глазах читалось то же понимание. Они были готовы.

— Двигаемся к центральному отсеку, — приказал он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — И будьте настороже. Здесь что-то... ждёт.

Отряд двинулся вперёд, в глубь станции, туда, где тьма казалась особенно густой, а тишина — особенно зловещей.

И где-то в глубине коридоров снова прозвучал крик — теперь уже не один, а множество, сливающихся в единый, невыносимый вопль.

Глава 2. «Мёртвая станция»

Коридор «Омеги-7» тянулся вперёд, будто бесконечный разрез в теле космоса. Мерцающий аварийный свет выхватывал из темноты куски реальности — и тут же прятал их обратно, словно станция не хотела, чтобы её разглядывали. Каждый импульс лампы рождал новые тени, и казалось, что они не просто следуют за бойцами, а *опережают* их, занимая позиции впереди.

Волков шёл первым, держа автомат наготове. Его броня привычно давила на плечи, но сегодня она ощущалась не как защита, а как лишний груз, замедляющий движения. Он ловил себя на мысли, что прислушивается не к звукам, а к *отсутствию* звуков. Здесь не было привычного гула систем, не было дыхания вентиляции — только тишина, плотная, как вакуум.

Лина шла следом, сжимая в руках медицинский сканер. Прибор тихо пищал, фиксируя аномалии: скачки температуры, странные электромагнитные всплески, состав воздуха, который будто менялся от метра к метру.

— Здесь что-то не так с атмосферой, — прошептала она, хотя в этой тишине любой шёпот звучал как крик. — Уровень кислорода в норме, но... будто сам воздух сопротивляется. Как будто он не хочет, чтобы мы дышали.

Гром, замыкавший группу, хмыкнул, но в этом звуке не было иронии — только напряжение.

— Не нравится мне это место, — пробормотал он. — Слишком тихо. Даже мёртвые станции не бывают такими... пустыми.

Они свернули в боковой отсек — жилой модуль экипажа. И здесь картина стала ещё более зловещей.

На столах стояли кружки с кофе. Пар давно ушёл, но тёмная жидкость внутри ещё не успела полностью остыть. На спинках кресел висели форменные куртки. На экранах личных терминалов застыли незаконченные сообщения — будто кто-то начал писать «Нужно срочно...» и вдруг оборвал фразу на полуслове.

Барс, молодой разведчик, осторожно коснулся экрана одного из терминалов. Пальцы оставили след на тонком слое пыли, который лежал поверх всего — тонкий, едва заметный, но неоспоримый признак того, что здесь никто не появлялся уже несколько часов. Или дольше.

— Они ушли... или их забрали, — тихо произнёс Барс, оглядываясь по сторонам. — Но ушли не в спешке. Не было паники. Просто... исчезли.

Волков подошёл к одной из переборок. На металле были выцарапаны символы — угловатые, резкие, будто их наносили не инструментом, а ногтями. Он провёл пальцем по одной из линий. Металл был холодным, но на кончиках пальцев осталось странное ощущение — будто поверхность слегка вибрировала, отзываясь на прикосновение.

— Это не просто граффити, — сказал Волков, хмурясь. — Это... предупреждение. Или ритуал.

Лина наклонилась к одному из символов, пытаясь разобрать узор.

— Похоже на древние руны, — прошептала она. — Я видела что-то подобное в отчётах по археологическим находкам на Ганимеде. Там тоже находили такие знаки — их связывали с... ну, с чем-то, что люди боялись называть вслух.

Гром фыркнул, но тут же замолчал, будто сам испугался звука собственного голоса.

— Хватит мистики, — буркнул он. — Нам нужно двигаться дальше. Центральный отсек — вот наша цель.

Но стоило ему сделать шаг, как воздух в отсеке будто сгустился. Дыхание стало тяжелее, каждый вдох давался с усилием, словно атмосфера внезапно стала вдвое плотнее.

И в этот момент Волков услышал это снова.

Тот самый крик.

Он прозвучал не снаружи — он прозвучал *внутри*, как эхо, застрявшее в черепе. Тихий, едва уловимый, но безошибочно узнаваемый. И на этот раз он не был одиноким: к нему присоединились другие — шёпоты, стоны, обрывки фраз, сливающиеся в единый, нарастающий гул.

— Вы слышали? — резко спросил Волков, оборачиваясь к отряду.

Бойцы замерли. В их глазах читалось одно и то же: *да, мы слышали*.

И тут в дальнем конце коридора мелькнула тень.

Не просто тень — она двигалась. Резко, неестественно, будто ломала законы физики. Она скользнула по стене, перетекла через потолок и исчезла в вентиляционной решётке — и всё это за долю секунды.

— Контакт! — рявкнул Волков, поднимая оружие.

Автоматы загрохотали, разрывая тишину. Пули впивались в переборки, высекая искры, рикошетили от стен, но казалось, что они теряют силу ещё до того, как достигают цели. Как будто пространство само гасило их энергию.

Когда дым рассеялся, в коридоре никого не было. Только тени дрожали, будто смеялись над ними.

— Что за чёрт... — прошептал Барс, опуская оружие. Его руки слегка дрожали. — Пули... они будто растворились.

Лина смотрела на свой сканер, который вдруг начал выдавать хаотичные данные — цифры плясали, графики ломались, а потом экран погас, издав короткий, жалобный писк.

— Электроника сходит с ума, — сказала она, поднимая глаза на Волкова. — Здесь... здесь что-то влияет на всё. На материю, на энергию, на нас.

Волков медленно опустил автомат. Его лицо оставалось спокойным, но внутри всё сжималось от напряжения. Он чувствовал, как реальность вокруг них начинает искривляться, как будто станция была не просто зданием из металла и пластика, а живым существом — и оно *наблюдало* за ними.

— Мы вторглись на чужую территорию, — тихо произнёс он, глядя в темноту коридора. — И теперь оно знает, что мы здесь.

Гром сглотнул, поправляя ремень автомата.

— Тогда тем более нужно двигаться вперёд, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Чем быстрее мы закроем этот «проект», тем быстрее уберёмся отсюда.

Волков кивнул. Он знал, что Гром прав. Но в глубине души он понимал: уйти отсюда будет не так просто. Станция не отпустит их просто так.

Отряд двинулся дальше, вглубь «Омега-7». С каждым шагом коридоры становились темнее, воздух — тяжелее, а тени — длиннее. И где-то впереди, в самом сердце станции, что-то ждало их. Что-то, что питалось страхом.

И оно уже чувствовало их приближение.

Глава 3. «Шёпот стен»

Коридор внезапно стал узким — не физически, а так, будто само пространство решило сжать их в тиски. Волков сделал шаг и почувствовал, как гравитация вдруг потянула его вниз с удвоенной силой, прижимая к полу, словно пытаясь вдавить в металл. Его броня, и без того тяжёлая, превратилась в свинцовый панцирь. Каждый вдох давался с усилием, будто воздух превратился в вязкую смолу.

— Что за... — прохрипел Барс, рухнув на колено. Его лицо исказилось от напряжения. — Я не могу... двигаться.

Гром, напротив, вдруг взмыл вверх, едва не ударившись о потолок, и повис в воздухе, беспомощно дрыгая ногами.

— Да чтоб тебя! — рывкнул он, хватаясь за поручень. — Здесь гравитация сошла с ума!

Лина, единственная, кто пока оставался в относительной норме, быстро проверила свой наручный дисплей. Экран мигал, выдавая противоречивые данные: «Гравитация: 0,3g», «Гравитация: 2,1g», «Ошибка калибровки».

— Это невозможно, — прошептала она, глядя на цифры. — Физически невозможно. Но... это происходит.

Волков с трудом выпрямился, опираясь на стену. И в этот момент он услышал это.

Шёпот.

Он не был похож на голос — скорее на множество голосов, слившихся в единый, тихий гул, который исходил будто бы из самой структуры станции. Слова были неразборчивы, но интонация... в ней слышался ужас.

— Слышите? — спросил Волков, оглядываясь.

Лина кивнула, её глаза расширились. Барс, всё ещё прижатый к полу, медленно повернул голову, будто пытался поймать звук. Гром, наконец, сумел зацепиться за выступ и подтянуться.

— Я слышу, — процедил Гром. — Как будто... стены говорят.

И действительно, шёпот становился чётче. Из неразборчивого гула начали проступать отдельные фразы.

«Не открывайте...»

«Оно уже здесь...»

«Слишком поздно...»

Слова повторялись, накладываясь друг на друга, как эхо в бесконечном лабиринте.

— Это запись? — хрипло спросил Барс. — Или... что?

Волков покачал головой. Он не знал. Но чувствовал — это не просто запись. Это было что-то большее.

Они добрались до лабораторного сектора. Двери были приоткрыты, будто кто-то в спешке пытался выйти — или войти. Внутри царил хаос: опрокинутые столы, разбитые колбы, разбросанные бумаги. На стенах — те же символы, что они видели раньше, но здесь их было больше, целые строки, покрывающие поверхности плотным узором.

Лина осторожно шагнула внутрь, стараясь не наступать на осколки. Её взгляд упал на уцелевший терминал. Экран был тёмным, но когда она коснулась сенсора, он вспыхнул, выдав строку текста:

«Эксперимент вышел из-под контроля. Окно открыто. Оно питается нашим страхом. Мы не можем его закрыть...»

Ниже шла дата — и время, совпадающее с моментом, когда пришёл тот самый сигнал бедствия.

— Вот оно, — тихо произнесла Лина, проводя пальцем по экрану. — Они пытались открыть окно в другую реальность. Но не учли цену.

Волков подошёл ближе, вглядываясь в строки.

— И какова цена? — спросил он, хотя уже знал ответ.

Лина подняла на него глаза, в которых читался неподдельный страх.

— Наши жизни, — прошептала она. — И, возможно, нечто большее.

В этот момент Барс вдруг резко обернулся, уставившись в тёмный угол лаборатории. Его зрачки расширились, лицо побелело.

— Вы не слышите? — прошептал он, дрожа. — Он говорит со мной.

— Кто говорит? — резко спросил Волков.

— Учёный, — ответил Барс, не сводя глаз с угла. — Тот, кто работал здесь. Он говорит, что знает короткий путь к реактору. Что если мы пойдём этим путём, то сможем всё исправить. Гром фыркнул, но в этом звуке не было уверенности.

— Барс, там никого нет, — сказал он, стараясь говорить спокойно. — Ты слышишь шёпот стен. Это... это станция играет с нами.

Но Барс не слушал. Он уже двинулся к тёмному проходу, который, казалось, вёл в никуда — просто в глухую переборку.

— Он говорит, что здесь есть скрытый коридор, — бормотал Барс, протягивая руку к стене. — Нужно просто... нажать здесь.

Волков шагнул вперёд, хватая Барса за плечо.

— Стой! — рявкнул он. — Мы не знаем, что это. Может, это ловушка.

Барс резко обернулся, его глаза сверкнули безумным огнём.

— Ты не понимаешь! — крикнул он, вырываясь. — Он знает, как нас спасти! Если мы не пойдём сейчас, мы все погибнем!

На мгновение в лаборатории повисла напряжённая тишина. Трое бойцов смотрели друг на друга, и в их взглядах читалось одно и то же: доверие между ними начало рушиться.

— Мы идём к реактору стандартным маршрутом, — твёрдо произнёс Волков, глядя прямо в глаза Барсу. — Никаких скрытых коридоров. Никаких голосов. Только то, что мы видим своими глазами.

Барс сжал кулаки, его грудь тяжело вздымалась. Казалось, он вот-вот бросится на командира. Но потом его плечи опустились, и он отступил, опуская взгляд.

— Хорошо, — пробормотал он, голос его дрожал. — Хорошо.

Лина подошла к нему, осторожно коснувшись его руки.

— Всё будет в порядке, — тихо сказала она. — Мы выберемся.

Но даже она не верила в свои слова. Потому что шёпот не умолкал. Он становился громче, настойчивее, проникая в сознание, подтачивая уверенность, сея семена сомнения.

Они двинулись дальше, но теперь каждый шаг давался тяжелее не только из-за гравитационных аномалий, но и из-за груза недоверия, повисшего между ними.

Коридоры извивались, словно живые, меняя направление без всякой логики. То, что казалось прямым проходом, вдруг сворачивало под невозможным углом, уводя их в глубь станции. Стены продолжали шептать, теперь уже не просто обрывки фраз, а целые предложения, адресованные лично каждому.

Лина услышала голос своего отца, умершего десять лет назад: «Ты не сможешь их спасти. Ты всегда была слабой».

Гром услышал шёпот своей погибшей команды: «Ты снова всех подвёл. Ты не достоин быть здесь».

А Волков... Волков услышал тот самый крик — тот, что пришёл с сигналом бедствия. Только теперь он звучал не как крик о помощи, а как смех. Тихий, издевательский, проникающий в самую душу.

Когда они наконец добрались до перекрёстка, ведущего к реакторному отсеку, перед ними предстала странная картина: один коридор был нормальным, с ровным полом и стенами, а другой... другой изгибался под неестественным углом, уходя вверх, будто игнорируя законы физики.

— Какой путь? — тихо спросил Гром, глядя на Волкова.

Волков посмотрел на оба коридора. Один казался безопасным, логичным. Другой — невозможным, абсурдным. Но именно абсурдный коридор манил его, обещая короткий путь, лёгкое решение.

Он тряхнул головой, отгоняя наваждение.

— Нормальный коридор, — твёрдо сказал он. — Только нормальный.

Они двинулись вперёд, но с каждым шагом ощущение, что за ними наблюдают, становилось всё сильнее. Тени в углах сгущались, принимая очертания фигур — то ли людей, то ли чего-то иного, искажённого, неправильного.

И где-то глубоко в недрах станции что-то ждало. Что-то, что питалось их страхом, их сомнениями, их болью. И оно знало: они уже почти сломлены.

Осталось только подтолкнуть их к краю.

Глава 4. «Цена знания»

Реакторный сектор встретил отряд не просто холодом — он встретил их *отторжением*. Воздух здесь был густым, будто пропитанным чем-то тяжёлым, осязаемым, как маслянистая пелена. Каждый вдох отдавался в груди металлическим привкусом, а свет аварийных ламп казался тусклее, словно сама станция экономила энергию, сберегая силы для чего-то иного.

Волков остановился у массивной переборки, ведущей в центральный вычислительный узел. На панели управления мигал одинокий красный индикатор — не сигнал тревоги, а скорее насмешка. Он провёл ладонью по холодному металлу, чувствуя, как вибрация от двигателей станции переходит в пальцы, становясь почти голосом — низким, утробным, будто где-то глубоко внутри «Омеги-7» билось чужое сердце.

— Здесь что-то было, — тихо сказала Лина, оглядываясь по сторонам. — Не просто авария. Это... ритуал.

Она указала на пол: вокруг люка, ведущего вниз, на металле были вытравлены те же угловатые символы, что они видели раньше, но здесь они складывались в сложный узор — концентрические круги, пересекающиеся линии, точки, напоминающие звёзды. И в центре — отпечаток ладони, тёмный, будто покрытый запекшейся кровью.

Гром хмыкнул, но в этот раз в его голосе не было привычной бравады.

— Красиво, — буркнул он, крепче сжимая автомат. — Но мне это не нравится.

Барс, всё ещё бледный после недавней вспышки, молча кивнул. Он больше не спорил, не пытался идти своим путём. Теперь он держался ближе к отряду, будто боялся, что тени снова позовут его, если он останется один.

Волков кивнул Лине:

— Проверь узел. Может, найдём что-то полезное.

Лина опустилась на колено, доставая портативный дешифратор. Пока она возилась с замком, Волков обвёл взглядом помещение. Что-то в нём было не так — не просто запустение, а какая-то *намеренность* в разрухе. Будто кто-то специально оставил подсказки, чтобы их нашли. Или ловушки, чтобы их испытать.

Щелчок. Люк открылся с протяжным стоном, будто станция не хотела пускать их внутрь.

Внизу, в тесном отсеке, пахло озоном и чем-то сладковатым, почти цветочным — запах, совершенно неуместный на металлической станции. Лина первой спустилась вниз, держа перед собой фонарь. Луч света выхватил из темноты стол, заваленный бумагами, разбитыми планшетами и... старым бумажным дневником.

— Невероятно, — прошептала она, осторожно поднимая потрёпанную тетрадь. — Кто-то до сих пор вёл записи на бумаге.

Волков спустился следом, присев рядом. Барс и Гром остались наверху, прикрывая вход, но даже отсюда было слышно, как их дыхание стало чаще, как они вздрагивали от каждого шороха.

Лина открыла дневник на случайной странице. Пожелтевшие листы были исписаны мелким, нервным почерком, местами чернила расплылись, будто на бумагу капала вода — или что-то иное.

«День 87. Мы думали, что контролируем процесс. Думали, что можем наблюдать, не вмешиваясь. Но оно чувствует нас. Оно питается не просто страхом — оно питается *знанием*. Чем больше мы узнаём, тем сильнее оно становится. Сегодня оно заговорило со мной. Не голосом. Мыслью. Оно сказало: „Ты уже мой“».

Лина подняла глаза на Волкова. В её взгляде читался ужас, смешанный с пониманием.

— Они не просто открыли окно, — прошептала она. — Они стали его частью.

Волков взял дневник, листая страницы. Записи становились всё более бессвязными, всё более отчаянными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.